Коронакратия: Китай на фоне COVID-19: Глобальное давление и региональные амбиции

Захарий Пайкин

Содержание

1 Ключевые выводы
2 Динамика, разрушающая международным порядок
3 Возврат к противостоянию великих держав
4 Стабильность в Азиатско-Тихоокеанском регионе?
5 Баланс на фоне внешнего давления

Ключевые выводы

- Как минимум в сфере геополитики становится все более очевидным, что пандемия COVID-19 в большей степени усиливает существующие тенденции, нежели создает новые. Влияние коронавируса на Китай не является исключением.
- По мере того, как пандемия будет утихать, Пекину придется найти хрупкий внешнеполитический баланс между макроуровнем, характеризующимся конфликтом великих держав, и уровнем евразийского и азиатско-тихоокеанского регионов, которые все еще определяются с собственной ролью в международных делах.

Динамика, разрушающая международным порядок

Кризис коронавируса ускорил начало всеохватывающего противостояния Вашингтона и Пекина с нулевой суммой. Ему предшествовали торговая война администрации Трампа и недвусмысленные предупреждения в отношении технологии 5G компании Huawei; характеристика, данная Китаю Европейской комиссией, в качестве «системного соперника, продвигающего альтернативные модели управления»; критика усиливающегося контроля китайского режима над Гонконгом и его политики по отношению к уйгурскому населению в Синьцзяне; а также региональное сопротивление предполагаемой чрезмерности инициативы «Пояс и Путь».

> Ужесточение позиций западных стран по отношению к Китаю в последние месяцы привело к тому, что в Пекине сложилась, вероятно, самая неблагоприятная международная обстановка со времени событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году.

Под руководством Си Цзиньпина Коммунистическая партия Китая (КПК) перешла к реализации масштабных – и при этом не бесспорных – экономических, политических и социальных реформ. Президент Си ясно понимает, что Китай переживает переломный момент перехода в эпоху после Дэн Сяопина, и приравнивает выживание режима КПК к устранению внутренней разупорядоченности, которая характеризовала «столетие унижений» со стороны западных и японской империй. Поэтому выживание режима приобретает не только политическое, но и национальное измерение. Таким образом, Пекин столкнулся с внутренним недовольством первоначальной реакцией на коронавирус, и внешнее давление, скорее всего, лишь заставит его затаиться, тем самым усугубляя динамику нынешней международной дезориентации.

Эта динамика отчасти сходна со скатыванием отношений между Россией и Западом к откровенной конфронтации шесть лет назад. Если Евромайдан и присоединение Крыма Россией положили конец всем надеждам на создание совместной системы безопасности для Европы, ситуация значительно ухудшилась, когда стало ясно, что война на Донбассе носит затяжной характер, а на Москву посыпались обвинения во вмешательстве в выборы на Западе. Между Россией и ЕС по определенным политическим вопросам к настоящему времени достигнут своего рода *modus vivendi*, однако отмена санкций и возобновление нормальных отношений по-прежнему зависят от полномасштабной реализации минских договоренностей. С другой стороны, российско-американские отношения по-прежнему характеризуются дефицитом элементов сотрудничества с положительной суммой (если таковые вообще имеются), и нет оснований полагать, что такое положение дел скоро закончится. Очевидно, что если не предотвращать развитие холодных войн на начальном этапе, они могут быстро охватить весь спектр дипломатических отношений и иметь долгосрочные и далеко идущие последствия.

Аналогичным образом развитие европейской системы безопасности без участия России подтолкнуло Москву, рассматривающую такое положение дел не только как международную, но и как внутреннюю угрозу, к секьюритизации своих отношений с Западом. И наоборот: и Россия, и Китай в настоящее время воспринимаются в качестве экзистенциальных угроз так называемому

либеральному международному порядку. Появление такой динамики с нулевой суммой в отношениях между Россией и Западом и Китаем с Западом способствует продолжению китайско-российского сближения, особенно с учетом того, что Пекин стремится избежать ситуации, когда он будет географически окружен враждебной его интересам средой. Эта логика, лежащая в основе стратегического партнерства между Москвой и Пекином, до сих пор устраняла потенциальные раздражители в их двусторонних отношениях. И обе стороны осознают выгоду существенной десекьюритизации собственных отношений, чтобы уделить повышенное внимание своим основным интересам в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Возврат к противостоянию великих держав

Логикой, направляющей это возвращение к соперничеству великих держав, послужила неспособность США выстроить после окончания Холодной войны международный порядок, который был бы достаточно гибким, чтобы учитывать интересы и мировоззрение других держав. На протяжении трех десятилетий Вашингтон стремился к реализации своей главенствующей роли на основных геостратегических площадках Евразии: в Европе, на Ближнем Востоке, в Восточной и Юго-Восточной Азии. Это естественным образом исключало любые представления о подлинно равноправных отношениях с Россией или Китаем, которые, будучи великими державами, также стремятся формировать собственные регионы и более широкий международный порядок в соответствии со своими предпочтениями.

Таким образом, несмотря на периодические моменты кажущейся разрядки или сдержанности, инерция, благоприятствующая продолжению конфронтации, будет сохраняться. До тех пор, пока сохраняются укоренившиеся представления соперничающих держав о миропорядке.

> Пандемия коронавируса является третьим компонентом исторической «трифекты» – после войны в Ираке 2003 года и рецессии 2008–2009 годов, – которая окончательно подорвала глобальное лидерство и относительное влияние Вашингтона, знаменуя их смену более узконаправленным состязанием великих держав.

Надежды на то, что Китай когда-либо полностью модернизируется в соответствии с западными идеалами, всегда были безосновательными. Однако в то же время внешнее давление, оказываемое на Китай, стало главным фактором формирования линии поведения Пекина как внутри страны, так и на международном уровне. Целью вовлечения Китая во время Холодной войны было, скорее, формирование его внешней позиции, а не типа внутреннего режима. В последние десятилетия, когда Пекин присоединился к таким международным институтам, как Всемирная торговая организация, а соблюдение прав человека все чаще становится допустимой темой в межгосударственных отношениях, требования стали более жесткими. «Поворот к Азии» администрации Обамы и приход к власти в Тайване националистической Демократической прогрессивной партии также способствовали отходу КНР от стратегии большей открытости, которую он реализовывал в 1990-х и 2000-х годах. Возможно, это сыграло роль в укреплении авторитарного импульса, который привел к ужесточению контроля Пекина над Гонконгом и предполагаемому замалчиванию китайскими чиновниками ситуации с коронавирусом на ранних стадиях его развития.

Эти политические события подкрепляются экономической логикой. Трудно представить, что среднеазиатские страны сумеют поддержать процессы роста и развития без существенного экономического присутствия Китая. Кроме того, пока не будут отменены санкции, введенные в связи с конфликтом вокруг Украины, не восстановится и роль Европы в качестве основного внешнего источника модернизации России. Это лишь ускорит китайско-российскую консолидацию Центральной Евразии и закрепит противостояние Москвы и Пекина со столицами западных государств.

Хотя еще слишком рано предсказывать, каким окажется имидж Китая во всем мире после окончания пандемии, динамика, благоприятствующая продолжению соперничества между великими державами, остается существенной. Дипломатические размолвки, скорее всего, перекинутся на сферу безопасности. А нормативные споры о будущем мирового порядка приобретут геополитическое измерение. К тому же, по прошествии более шести лет с момента окончания Евромайдана, не предвидится конца соперничеству между Россией и Западом. Поэтому вполне возможно, что именно через эти расклады «новой Холодной войны» и следует рассматривать большую часть международных отношений на протяжении 2020-х годов.

Стабильность в Азиатско-Тихоокеанском регионе?

> Как ни парадоксально, пока отношения между великими державами определяются жестким соперничеством и отсутствием порядка, Азиатско-Тихоокеанский регион имеет потенциал стать источником стабильности в глобальной системе безопасности в среднесрочной перспективе.

Китайско-американское противостояние в ближайшие годы может приобрести большой размах в этом регионе. Однако может возникнуть более стабильное равновесие на фоне новой волны азиатского экономического роста и увеличения относительного веса Индии и АСЕАН в региональных делах.

Демократическая Индия остается крупнейшим заемщиком Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), чья штаб-квартира расположена в Пекине, и продолжает сотрудничество с Россией и Китаем в качестве полноправного члена Шанхайской организации сотрудничества. И по мере того, как Пекин постепенно переформатирует свою инициативу «Пояс и Путь», чтобы избежать обвинений в долговой ловушке, она, вероятно, послужит главной движущей силой, способствующей постепенной многополяризации Азии. Относительное отсутствие жестких идеологических разделительных линий в регионе говорит о том, что это, скорее всего, станет позитивным событием.

Баланс на фоне внешнего давления

После пандемии COVID-19 ключом к успеху КПК останется способность сочетать новый экономический рост и национализм – в дополнение к укреплению цифрового авторитаризма, который действенно снижает возможности любой серьезной оппозиции. Кроме того, Китаю не придется переживать события, аналогичные грядущей политической напряженности в России, которой предстоят президентские выборы 2024 года и решение вопросов, связанных с преемственностью власти после окончания президентского срока Владимира Путина. Жесткая позиция Пекина в Синьцзяне и усиление контроля в Гонконге – в сочетании с недавними резонансными примерами дипломатии «волков-воинов» – говорят о том, что КПК готова выдержать международную критику и преследовать свои основные интересы.

На глобальном уровне элементы «разъединения» (decoupling) между экономиками США и КНР теперь сопровождаются призывами к диверсификации производственно-сбытовых цепочек в некоторых уголках Европы. На этом фоне

недавно прозвучало заявление правительства Бориса Джонсона, которое, похоже, отменило первоначальное решение предоставить Huawei ограниченные возможности предоставлять услуги по технологии 5G на территории Великобритании. На Западе вера в то, что Пекин может считаться надежным партнером в кризисной ситуации, ослабевает по мере развития пандемии.

Любой отход от модели углубленной интеграции между Китаем и Западом, скорее всего, будет медленным и дорогостоящим, и точная степень такого отхода отчасти зависит от желаний отдельных государств-членов ЕС. При этом напряженность между структурой китайской экономики и так называемыми либеральными глобальными институтами, скорее всего, максимально актуализировала этот вопрос сама по себе, даже если бы в столицах западных стран Пекин и не рассматривался все более с точки зрения безопасности. Поэтому в будущем отношения между самыми западными и восточными регионами Евразии приобретут дополнительный элемент непредсказуемости.

Очевидное – пусть и постепенное – соскальзывание мира к конкурирующим сферам влияния может быть привлекательным для движимого собственными интересами Китая. Однако Пекину следует быть осторожным и балансировать конкуренцию предложениями, направленными на создание условий для сосуществования китайской и западной экономических моделей. В любом случае, регионы по умолчанию будут играть более важную роль в глобальных делах.

> С учетом того, что в случае углубления и разрастания региональных разногласий у Китая может появиться слишком много задач, Пекин должен проявить осторожность, чтобы его международная бескомпромиссность не привела к ужесточению регионального порядка.

Это не устранит конкуренцию в сфере безопасности или исторические претензии в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Однако стратегия достижения равновесия между глобальными и внутрирегиональными отношениями Китая будет иметь ключевое значение в обеспечении того, чтобы Пекин и Центрально-Евроазиатский и Индо-Тихоокеанский регионы в более широком плане постепенно могли служить относительно стабильными опорами хрупкого мира после пандемии.

Захарий Пайкин *- приглашенный исследователь, Институт глобальной политики; член Экспертного совета, Совет по международным отношениям «Минский диалог» (Канада).*

Публикация является частью проекта «Коронакратия: оценка долгосрочных последствий кризиса пандемии для международной безопасности». Проект реализуется Советом по международным отношениям «Минский диалог» и белорусским офисом Фонда им. Конрада Аденауэра. Содержание публикации отражает исключительно мнение автора.

Захарий Пайкин
Исследователь, Центр изучения европейской политики (CEPS); научный сотрудник, Институт мира и дипломатии; член Экспертного совета Совета по международным отношениям «Минский диалог»